

Лекомцева И. А. Квазиэквивалентность при переводе : семантика и прагматика при передаче национально специфической лексики / И. А. Лекомцева, А. Х. Абдулманова // Научный диалог. — 2019. — № 1. — С. 50—60. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-1-50-60.

Lekomtseva, I. A., Abdulmanova, A. Kh. (2019). Quasi-Equivalence in Translation: Semantics and Pragmatics in Transmission of Nationally Specific Vocabulary. *Nauchnyi dialog, 1*: 50-60. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-1-50-60. (In Russ.).

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В ПЕРЕЧЕНЬ ВАК

УДК 811.111'255.4

DOI: 10.24224/2227-1295-2019-1-50-60

Квазиэквивалентность при переводе: семантика и прагматика при передаче национально специфической лексики

© Лекомцева Ирина Алексеевна (2019), orcid.org/0000-0002-9793-914X, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и перевода, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет» (Санкт-Петербург, Россия), rainbow5@mail.ru.

© Абдулманова Аделя Хамитовна (2019), orcid.org/0000-0002-3079-0803, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и перевода, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет» (Санкт-Петербург, Россия), aahvsp@rambler.ru.

Рассматривается вопрос квазиэквивалентных отношений при переводе. Показано, что единицы исходного языка и языка перевода находятся в отношениях асимметрии. Особое внимание уделяется тому, что значительная степень асимметрии проявляется не только при сопоставлении систем двух языков, но и при установлении соответствий между употреблениями языковых единиц в речи, а именно в фольклорно-мифологическом контексте. Показано, что при передаче лексических единиц в фольклорно-мифологическом тексте существуют определенные трудности, обусловленные не только неконгруэнтностью лексических систем двух языков, когнитивными и культурологическими осложнениями, но и тем, что в фольклорно-мифологическом контексте слово представляет собой единицу вторичной знаковой системы, то есть, помимо основного значения, слово имеет фольклорно-мифологическое. Приводится определение квазиэквивалентности при переводе, данное явление рассматривается на семантическом и прагматическом уровнях. Представлены результаты сопоставительно-переводческого анализа, которые могут быть использованы в курсах по сопоставительной лингвокультурологии, теории и практике перевода для уточнения методов и принципов оценки качества перевода, а также при создании сопоставительных лингвокультурологических словарей, отсутствующих на сегодняшний день.

Ключевые слова: квазиэквивалентность; разноразнозначность языковых систем; интерпретационный подход к переводу, фольклорно-мифологическая картина мира; художественный перевод; прагматика перевода; ошибки перевода.

1. Квазиэквивалентность при переводе национально специфичных языковых единиц

Признание того, что в основе художественного перевода лежит понимание интерпретации, подразумевает вариативность понимания [Казакова, 2005; Крюков, 1989; Левый, 1974; Сорокин, 2003]. Релятивизация содержания текста может быть объяснена тем, что при восприятии текста читатель (переводчик) стремится структурировать получаемую информацию, придать ей смысл, опираясь на свой предшествующий опыт. Сопоставление с предыдущим опытом может происходить по множеству параметров, однако в фокусе внимания переводчика может оказаться какая-либо одна особенность объекта, которая составит смысловое ядро переводческой модели текста, определит вектор процесса интерпретации и последующую стратегию перевода.

При таком интерпретационном подходе к процессу перевода «центральным пунктом переводческой проблематики является соглашение трех единств: объективного содержания произведения и его двух конкретизаций — в сознании читателя оригинала и в сознании читателя перевода» [Левый, 1974, с. 59]. Однако установление прагматически удовлетворительного отношения перевода и оригинала на практике осложняется целым рядом факторов, особенно это проявляется при переводе национально привязанных текстов, а именно фольклорно-мифологических. Вследствие неконгруэнтности языковых систем, межкультурных осложнений, а также динамической природы процесса интерпретации элементы исходного текста и текста перевода могут находиться в отношениях асимметрии. Согласно И. Э. Ключанову и Ю. А. Сорокину, отношения этих текстов могут быть охарактеризованы как «конфликтная квазиэквивалентность», или «разноразнозначность» [Сорокин, 2003, с. 108].

Изучение отношений единиц исходного текста и текста перевода через призму «язык — сознание — культура» представляется важным, так как именно асимметрия языковых знаков [Недялков, 2005; Петрова, 2011], межкультурные осложнения [Шадрин, 2018; Bassnett, 2007; Yan, 2014] и когнитивные особенности протекания переводческой деятельности [Bell, 2001; Halverson, 2014] часто являются причиной переводческих ошибок [Лекомцева, 2012] и квазиэквивалентных отношений между оригиналом и переводом. Особую актуальность такие изыскания могут представлять

при проведении сопоставительных лингвокультурологических исследований и составлении лингвокультурологических словарей, которые могли бы оказать неоценимую помощь при переводе и минимизировать вероятность появления переводческих ошибок.

Цель настоящей статьи — проанализировать квазиэквивалентность при переводе на семантическом и прагматическом уровнях. Такой подход, на наш взгляд, позволяет не только детально рассмотреть межъязыковую асимметрию как таковую, но и выявить типичные переводческие проблемы при передаче лексических единиц, в частности национально-специфической лексики. Изучение переводческих ошибок на материале национально специфичной лексики создает необходимую теоретическую базу для составления сопоставительных лингвокультурологических словарей, необходимых для переводческой деятельности, что и определяет актуальность данного исследования

2. Семантика и прагматика фольклорного имени как имени «пустого денотата» в условиях исходных языка и культуры

К числу национально специфичных лексических единиц можно отнести имена фольклорных персонажей. Несмотря на то, что фольклорные имена не имеют денотатов, то есть таких вещей в мире не существует, они не являются бессмысленными образованиями, а выражают определенные свойства, хотя эти свойства в своей совокупности ничему не принадлежат [Карнап, 1959, с. 54]. Они заполняются устойчивыми стереотипами, визуальными, дескриптивными, ассоциативными и другими типами связей с действительностью. Можно заключить, перефразируя Стивенсона, что интерпретационный подход к определению значения имени определяет следующее: имя фольклорного персонажа дескриптивно значит то, что оно выражает ассоциативно [Стивенсон, 1985, с. 148]. Более того, необходимо принять во внимание тот факт, что слово в словаре и слово в обычном (немифологическом) контексте не равны слову в фольклорно-мифологическом контексте, где оно становится носителем двойного значения: обычного и фольклорно-мифологического. Так, согласно Т. В. Цивьян, «привычное лексическое значение не более чем оболочка, форма, а само слово является своего рода ярлыком некоторой информации, относящейся — что особенно важно и значимо — к гораздо более высокому уровню» [Цивьян, 1975, с. 209]. К. Леви-Стросс относит фольклорные имена к разряду мифем, то есть «слов с двойным значением», поскольку они функционируют как единицы языка, где сохраняют свое лексическое значение, и как единицы метаязыка, где выступают в роли элементов вторичной знаковой системы [Леви-Стросс, 1983, с. 402].

Обратимся к примеру, которому посвящена данная статья, а именно фольклорному имени *the Lambton Worm* [Hartland, 1890]. В английской культуре это имя несет значительную прагматическую нагрузку. Во-первых, оно выполняет номинативную функцию, являясь типичным заголовком английской легенды, что может привести к развертыванию богатой ассоциативной перспективы с названиями других английских легенд. Во-вторых, это словосочетание является именем фольклорного персонажа, который занимает вполне определенное место в английской культуре. Данная легенда связана с древним родом Ламбтонов, представители которого были знаменитыми политическими деятелями Англии. Младший наследник рода Ламбтонов вел праздный образ жизни, и однажды во время церковной службы он отправился на рыбалку, где поймал в водах реки Уир маленького червя, которого выбросил в колодец. Изначально это маленький червь с безобразной внешностью, который потом вырастает до исполинских размеров и приносит много вреда жителям Ламбтона. Его длина достигает таких размеров, что он может три раза обвить гору, располагавшуюся поблизости реки Уир. С этим именем связаны названия колодца и возвышенности в графстве: *the Worm Well* и *the Worm Hill*. Переводчик заведомо ставится в затруднительное положение, поскольку он не только должен видеть перспективу прагматического воздействия имени на английского читателя, но и адаптировать данное имя для русской аудитории. Вряд ли русский читатель при контакте с именем *the Lambton Worm* способен восстановить такие данные, поскольку имя представляет собой пример «наиболее национально привязанного» имени.

В пределах исходных языка и культуры ассоциативный потенциал таких имен более или менее определим, чего нельзя сказать об их переводных соответствиях, которые могут быть «разноэквивалентны» оригиналу.

3. Прагматическая квазиэквивалентность: межязыковые, межкультурные и когнитивные осложнения при передаче национально специфичной лексики

Имя обычно включается в текст перевода с помощью устойчивых соответствий, основанных на данных двуязычных словарей: Ламбтонский Червь [Хартленд 2007, с. 76—80]. Сравним дефиниции слов *worm* и *червь*:

Worm — any of a number of creeping or burrowing invertebrate animals with long, slender soft bodies and no limbs [ODE].

Червь — беспозвоночное животное, которое передвигается, изгибая свое длинное тело [СлРЯ, т. 4, с. 662].

Однако не всегда данные двуязычных словарей оказываются надежной опорой при переводе как лексических единиц [Лекомцева и др., 2018, с. 101—104], так и грамматических структур [Куралева, 2018, с. 50—52], и при их использовании возможно появление в переводе так называемого «третьего» языка [Duff, 1981; Toury, 1995].

Обратимся к идентифицирующим дескрипциям анализируемого персонажа в тексте [Hartland, 1890], которые основываются на разной информации об объекте. Интродуктивная номинация (термин Н. Д. Арутюновой) представлена в тексте как *a worm of most unsightly appearance* (червь самой неприглядной внешности), причем такая номинация выполняет еще и квалификативную функцию, имеет при себе субъектно-оценочное определение, тем самым наделяя носителя имени определенными свойствами, задавая прагматический потенциал имени. Далее по тексту можно встретить следующие идентифицирующие дескрипции: *the devil* (дьявол), *an elf* (эльф), *the monster* (монстр), *the terror of the North Country* (ужас Северной страны). Такие дескрипции частично зависят от прагматического фактора и нацелены на то, чтобы дать дополнительные сведения или оценку персонажу, выделяя в качестве индивидуализирующих разные его стороны или свойства [Арутюнова, 1999, с. 97]. В результате интерпретации текста вокруг имени образуется определенное поле значений, которое можно разложить на семантические признаки по линии интенционала и импликационала. Интенционал поля может быть представлен такими семантическими признаками, как *the monster* (монстр), *the giant* (великан), а импликационал будет ранжироваться в пределах таких признаков, как *the terror* (ужас), *the devil* (дьявол), *depredation* (расхищение), *violent* (жестокий), *a rage* (ярость), *power of reuniting itself after being cut asunder* (способность воссоединения после разрыва).

Очевидно, что русское слово *червь*, несмотря на то, что оно является прямым лексико-семантическим словарным соответствием английскому слову *worm*, в условиях фольклорно-мифологического контекста не является равноценным соответствием, поскольку не способно вызвать близкий прагматический эффект в силу межкультурных и когнитивных осложнений, в частности, из-за отсутствия сходства с интерпретацией образа червя в русской фольклорно-мифологической традиции, а также в результате переводческих смещений. Перевод отражает только результат трансформационно-субститутивного манипулирования с единицами исходного текста и не является процессом порождения речевого высказывания с четким видением перспективы прагматической адаптации для получателя перевода. В результате таких трансформаций текст перевода претерпевает некоторые

смысловые несоответствия, и, следовательно, поле значений как результат интерпретации имени фольклорного персонажа в текстовом пространстве может находиться в отношениях асимметрии с его английским соответствием и характеризоваться смысловыми сдвигами. Например, развертывание определенных дескрипций этого персонажа не соответствует логике построения фольклорного дискурса: в тексте перевода отвратительный червь сравнивается с большой рыбой, далее он сразу становится чудовищем, в то время как в оригинале это сначала всего лишь *an elf*. Семантические признаки слова *червь* не включают в себя характеристику ‘большой’, поэтому и возникает некоторое напряжение при восприятии данного образа в тексте перевода. Также требует пояснения такая его характеристика, как ‘хозяин своего любимого холма’, что может быть интерпретировано следующим образом: рыцари сражались за право владения этим холмом, а не за спасение старинного рода Ламбтонов или за получение славы. Слово *холм* включает в себя семантический признак ‘небольшая возвышенность’, в то время как его «хозяин» таких огромных размеров, что может вырывать хвостом деревья, — в результате перевода возникает логико-семантическое несоответствие и искажается прагматический эффект. Таким образом, все попытки градуирования семантических признаков по линиям интенционала и импликационала заканчиваются неудачей, поскольку текстовое пространство характеризуется логическими противоречиями построения дискурса, и, как следствие, прагматический эффект, производимый на получателя перевода, заведомо находится в отношениях «конфликтной квазиэквивалентности» с прагматическим эффектом оригинала.

Переводческие смещения (shifts) соответствуют мыслительным операциям (construal operations) и переводческим универсалиям (universals) [Halverson, 2007, p. 113]: выделение существенных свойств и связей объектов, явлений (attention / salience), установление сходств и различий (judgment / comparison), точка зрения (perceptiveness) реципиента и синтез (constitution / gestalt). Однако при переводе, с когнитивной точки зрения, при интерпретации и категоризации национально специфичной лексики, то есть слов, не подготовленных предыдущим контекстом или опытом реципиента, на первый план могут выходить признаки, которые квалифицируются как существенные с точки зрения реципиента-носителя принимающих языка и культуры, но несущественные с точки зрения реципиента-носителя исходных языка и культуры. Такие переводческие решения могут быть объяснены с помощью «закона силы» (в терминологии А. Р. Лурии): сильные или существенные (в данном случае с точки зрения принимающих языка и культуры) «раздражители» (концептуально-семантические при-

знаки) вызывают сильную реакцию, что приводит к ситуации, в которой образы принимающей культуры заслоняют образы исходной лингвокультуры. Чтобы избежать подобных ошибок, необходимо придерживаться логических законов при интерпретации таких слов: как писал Я. И. Рецкер, в основе переводческих трансформаций лежат «приемы логического мышления, с помощью которых мы раскрываем значение иноязычного слова в контексте и находим ему русское соответствие, не совпадающее со словарным» [Рецкер 2010, с. 38]. Однако, как показывает практика, на самом деле такой подход к переводу не всегда реализуется.

4. Заключение

Вышесказанное позволяет заключить, что в силу динамического характера интерпретационной деятельности переводчика, а также изначальной асимметрии между единицами двух языков и их употреблением в речи национально специфичные лексические единицы в тексте перевода, сохраняя семантико-синтаксическое подобие оригиналу, с точки зрения прагматики, являются «разноэквивалентными». При переводе зачастую используются устойчивые соответствия, основанные на данных двуязычных словарей, и не принимается во внимание функционирование, традиция употребления слова в речи, в данном случае в фольклорно-мифологическом контексте, где лексические единицы являются знаками вторичной знаковой системы и, помимо основного лексического значения, имеют фольклорно-мифологическое. Данный субститутивно-трансформационный подход не коррелирует с переводческой деятельностью, которую следует изучать через призму «язык — сознание — культура», и приводит к появлению переводческих ошибок, что может проявляться в таком явлении, как квазиэквивалентность на уровне прагматики. Чтобы минимизировать риски появления похожих ошибок, необходимо разрабатывать сопоставительные лингвокультурологические словари в помощь переводчикам.

Источники и принятые сокращения

1. *Хартленд Э.* Легенды старой Англии / Э. Хартленд. — Москва : Центрполиграф, 2007. — 224 с.
2. СЛРЯ — *Словарь русского языка* : в 4-х томах / АН СССР, Ин-т русского языка ; под ред. А. П. Евгеньевой. — Москва, 1985—1988.
3. *Hartland E. S.* English Fairy and other folk tales [Electronic resource] / E. S. Hartland. — London : Walter Scott, 24 Warwick Lane, 1890.. — Access mode : <http://www.sacred-texts.com/neu/eng/efft/index.htm>
4. ODE — *Oxford Dictionary of English* [Electronic resource]. — Access mode : <http://oxforddictionaries.com>.

Литература

1. *Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. — Москва : Языки русской культуры, 1999. — 894 с.
2. *Казакова Т. А.* Художественный перевод. Теория и практика / Т. А. Казакова. — Санкт-Петербург : ИнЪязиздат, 2005. — 620 с.
3. *Карнап Р.* Значение и необходимость. Исследование по семантике и модальной логике / Р. Карнап. — Москва : Издательство иностранной литературы, 1959. — 384 с.
4. *Крюков А. Н.* Методологические основы интерпретативной концепции перевода : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.02.20 / А. Н. Крюков. — Москва, 1989. — 42 с.
5. *Куралева Т. В.* Атрибутивные придаточные предложения континуативного типа в аспекте перевода (на материале англо-русских переводов) / Т. В. Куралева // Балтийский гуманитарный журнал. — 2018. — Т. 7. № 3 (24). — С. 50—52.
6. *Леви-Стросс К.* Структурная антропология / К. Леви-Стросс. — Москва : Наука, 1985. — 399 с.
7. *Левый И.* Искусство перевода / И. Левый. — Москва : Прогресс, 1974. — 397 с.
8. *Лекомцева И. А.* Динамика ядра и периферии ономастического поля фольклорного персонажа в аспекте перевода / И. А. Лекомцева // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. — 2012. — № 1. — С. 120—128.
9. *Лекомцева И. А.* Межъязыковая асимметрия при переводе / И. А. Лекомцева, Т. В. Куралева // Балтийский гуманитарный журнал. — 2018. — Т. 7. № 1 (22). — С. 101—104.
10. *Недялков И. В.* Очерки по контрастивной лингвистике / И. В. Недялков. — Санкт-Петербург : Издательство СПбГУ, 2005. — 59 с.
11. *Петрова Е. С.* Сопоставительная типология английского и русского языков. Грамматика / Е. С. Петрова. — Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ ; Москва : Академия, 2011. — 368 с.
12. *Рецкер Я. И.* Теория перевода и переводческая практика : очерки лингвистической теории перевода / Я. И. Рецкер. — Москва : Р. Валент, 2010. — 237 с.
13. *Сорокин Ю. А.* Переводоведение : статус переводчика и психогерменевтические процедуры / Ю. А. Сорокин. — Москва : Гнозис, 2003. — 158 с.
14. *Стивенсон Ч.* Некоторые прагматические аспекты значения / Ч. Стивенсон // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск 16. Лингвистическая прагматика / под ред. Е. В. Падучевой. — Москва : Прогресс, 1985. — 504 с.
15. *Шадрин В. И.* Интеграция теории и практики в оценке качества перевода / В. И. Шадрин // Материалы 45-ой Международной филологической конференции «Федоровские чтения». Актуальные проблемы перевода. 14—19 марта 2016. — Санкт-Петербург : Издательство ВВМ, 2016. — С. 100—107.
16. *Шадрин В. И.* Университетское переводоведение / В. И. Шадрин. — Санкт-Петербург : Издательство ВВС, 2017. — 292 с.

17. Цивьян Т. В. Семиотические путешествия / Т. В. Цивьян. — Москва : Изд-во Ивана Лимбаха, 2002. — 248 с.
18. Bassnett S. Culture and translation / S. Bassnett // A companion to translation studies. Multilingual matters LTC. — Clevedon, Buffalo, Toronto, 2007. — Pp. 13—24
19. Bell R. Psycholinguistic / cognitive approaches / R. Bell // Routledge Encyclopedia of translation studies / ed. by M. Baker. — London ; New York : Routledge, Taylor&Francis Group, 2001. — Pp. 185—190.
20. Duff A. The third language: recurrent problems of translation / A. Duff. — Oxford : Pergamon Institute of English Press, 1981. — 132 p.
21. Halverson S. L. A cognitive linguistic approach to translation shifts / S. L. Halverson // Belgian journal of linguistics. — 2007. — № 21. — Pp. 105—121.
22. Halverson S. L. Reorienting translation studies : cognitive approaches and the centrality of the translator / S. L. Halverson // House J. (ed) Translation : a multidisciplinary approach. Palgrave advances in language and Linguistics. — London : Palgrave Macmillan, 2014. — Pp. 116—139.
23. Toury G. Descriptive translation studies and beyond / G. Toury. — Amsterdam : John Benjamins Publishing, 1995. — 308 p.
24. Yan Ch, Huang J. The Culture Turn in Translation Studies [Electronic resource] / Yan Ch., Huang J. // Open Journal of Modern Linguistics. — 2014. — № 4. — Access mode : https://file.scirp.org/pdf/OJML_2014100910303613.pdf.

Quasi-Equivalence in Translation: Semantics and Pragmatics in Transmission of Nationally Specific Vocabulary

© Lekomtseva Irina Alekseyevna (2019), orcid.org/0000-0002-9793-914X, PhD in Philology, associate professor, Department of English Philology and Translation, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia), rainbow5@mail.ru.

© Abdulmanova Aselya Khamitovna (2019), orcid.org/0000-0002-3079-0803, PhD in Philology, associate professor, Department of English Philology and Translation, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia), aahvsp@rambler.ru.

The question of quasi-equivalent relations in translation is considered. It is shown that the units of the source and target languages are in relations of asymmetry. Particular attention is paid to the fact that a significant degree of asymmetry is manifested not only in the comparison of systems of two languages, but also in the establishing correlations between the use of language units in speech, namely in the folklore and mythological context. It is shown that in the transmission of lexical units in the folklore-mythological text there are certain difficulties caused not only by the incongruence of lexical systems of two languages, cognitive and cultural complications, but also by the fact that in the folklore-mythological context a word is a unit of the secondary sign system, that is, in addition to the basic meaning, a word has a folklore-mythological one. The definition of quasi-equivalence in translation is given, this phenomenon is considered at the semantic and pragmatic levels. The arti-

cle presents the results of comparative translation analysis, which can be used in courses on comparative linguoculturology, translation theory and practice to clarify the methods and principles of assessing the quality of translation, as well as the creation of comparative linguoculturological dictionaries that which do not exist today.

Key words: quasi-equivalence; multi-equivalence; incongruence of language systems; interpretative approach to translation; folklore-mythological picture of the world; literary translation; pragmatics of translation; translation errors.

Material resources

Hartland, E. S. (1890). *English Fairy and other folk tales*. London: Walter Scott, 24 Warwick Lane. Available at: <http://www.sacred-texts.com/neu/eng/efft/index.htm>.

Khartlend, E. (2007). *Legendy staroy Anglii*. Moskva: Tsentrpoligraf. (In Russ.).

ODE — *Oxford Dictionary of English*. Available at: <http://oxforddictionaries.com>.

SIRYa — Evgenyeva, A. P. (ed.). (1985—1988). *Slovar' russkogo yazyka*. AN SSSR, In-t russkogo yazyka. Moskva. (In Russ.).

References

Arutyunova, N. D. (1999). *Yazyk i mir cheloveka*. Moskva: Yazyki russkoy kultury. (In Russ.).

Bassnett, S. (2007). Culture and translation. In: *A companion to translation studies. Multilingual matters LTC*. Clevedon, Buffalo, Toronto. 13—24.

Bell, R. (2001). Psycholinguistic / cognitive approaches. In: M. Baker (ed.) *Routledge Encyclopedia of translation studies*. London; New York: Routledge, Taylor&Francis Group. 185—190.

Duff, A. (1981). *The third language: recurrent problems of translation*. Oxford: Pergamon Institute of English Press.

Halverson, S. L. (2007). A cognitive linguistic approach to translation shifts. *Belgian journal of linguistics*, 21: 105—121.

Halverson, S. L. (2014). Reorienting translation studies: cognitive approaches and the centrality of the translator. In: J. House (ed.) *Translation: a multidisciplinary approach. Palgrave advances in language and Linguistics*. London: Palgrave Macmillan. 116—139.

Karnap, R. (1959). *Znachenije i neobkhodimost'*. *Issledovaniye po semantike i modalnoy logike*. Moskva: Izdatelstvo inostrannoy literatury. (In Russ.).

Kazakova, T. A. (2005). *Khudozhestvennyy perevod. Teoriya i praktika*. Sankt-Peterburg: Inyazizdat. (In Russ.).

Kryukov, A. N. (1989). *Metodologicheskiye osnovy interpretativnoy kontseptsii perevoda: avtoreferat dissertatsii... doktora filologicheskikh nauk: 10.02.20*. Moskva. (In Russ.).

Kuraleva, T. V. (2018). Atributivnyye pridatochnyye predlozheniya kontinuativnogo tipa v aspekte perevoda (na materiale anglo-russkikh perevodov). *Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal*, 7 / 3 (24): 50—52. (In Russ.).

Lekomtseva, I. A. (2012). Dinamika yadra i periferii onomasticheskogo polya folkloronogo personazha v aspekte perevoda. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo univer-*

- siteta. Seriya 9. Filologiya. Vostokovedeniye. Zhurnalistika, 1*: 120—128. (In Russ.).
- Lekomtseva, I. A., Kuraleva, T. V. (2018). Mezhyazykovaya asimmetriya pri perevode. *Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal, 7 / 1 (22)*: 101—104. (In Russ.).
- Levi-Stross, K. (1985). *Strukturnaya antropologiya*. Moskva: Nauka. (In Russ.).
- Levy, I. (1974) *Iskusstvo perevoda*. Moskva: Progress. (In Russ.).
- Nedyalkov, I. V. (2005). *Ocherki po kontrastivnoy lingvistike*. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo SPbGU. (In Russ.).
- Petrova, E. S. (2011). *Sopostavitelnaya tipologiya angliyskogo i russkogo yazykov. Grammatika*. Sankt-Peterburg: Filologicheskiy fakultet SPbGU; Moskva: Akademiya. (In Russ.).
- Retsker, Ya. I. (2010). *Teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika: ocherki lingvisticheskoy teorii perevoda*. Moskva: R. Valent. (In Russ.).
- Shadrin, V. I. (2016). Integratsiya teorii i praktiki v otsenke kachestva perevoda. In: *Materialy 45-oy Mezhdunarodnoy filologicheskoy konferentsii «Fedorovskiye chteniya». Aktualnyye problemy perevoda*. 14—19 marta 2016. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo VVM. 100—107. (In Russ.).
- Shadrin, V. I. (2017). *Universitetskoye perevodovedeniye*. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo VVS. (In Russ.).
- Sorokin, Yu. A. (2003). *Perevodovedeniye: status perevodchika i psikhogermeneyticheskiye protsedury*. Moskva: Gnozis. (In Russ.).
- Stivenson, Ch. (1985). Nekotoryye pragmaticheskiye aspekty znacheniya. In: E. V. Paducheva (ed.) *Novoye v zarubezhnoy lingvistike, 16: Lingvisticheskaya pragmatika*. Moskva: Progress. (In Russ.).
- Toury, G. (1995). *Descriptive translation studies and beyond*. Amsterdam: John Benjamins Publishing.
- Tsivyan, T. V. (2002). *Semioticheskiye puteshestviya*. Moskva: Izd-vo Ivana Limbakha. (In Russ.).
- Yan, Ch, Huang, J. (2014). The Culture Turn in Translation Studies. *Open Journal of Modern Linguistics, 4*. Available at: https://file.scirp.org/pdf/OJML_2014100910303613.pdf.